

Интервью с Эльвирой Октавьевной ЛЕОНТЬЕВОЙ

«ОЩУЩЕНИЕ РАДОСТИ ОТ ХОРОШО ПРОВЕДЁННОГО ЗАНЯТИЯ – ЭТО МОЁ САМОЕ БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ В ПРОФЕССИИ»

Леонтьева Э. О. — окончила философский факультет Томского государственного университета (1991 г.); доктор социологических наук (2014 г.); профессор кафедры социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета.

Основные области исследования: социология коррупции, неформальные практики в высшем образовании, университет как феномен культуры, глобализация образования.

Интервью состоялось: сентябрь-декабрь 2014 г.

Так сложилось, что при публикации интервью в их заголовки выносятся фамилии и инициалы моих собеседников и одно из высказанных ими суждений. Понятно, никакой заголовок не способен отразить содержание всей беседы, он передает лишь одну из обсуждавшихся тем, но он должен привлечь внимание читателя своей яркостью, метафоричностью, привлекательностью. Обычно я сам отыскиваю одну-две такие фразы, и вместе с респондентом мы решаем, какую из них оставить.

Где-то во второй половине данного интервью такая фраза нашлась и, казалось, что вопрос с названием решен. Но когда работа была совсем близка к концу, моя собеседница Эльвира Октавьевна Леонтьева предложила вынести в заголовок другую фразу: *«Ощущение радости от хорошо проведенного занятия — это моё самое большое счастье в профессии»*. У меня не было никаких возражений, более того, я принял ее сразу, она еще раз высветила проблему, над которой я начал задумываться в начале лета 2013 года, в процессе беседы с екатеринбургским профессором социологии Гарольдом Ефимовичем Зборовским.

До того времени моими собеседниками в основном были петербургские и московские социологи, работавшие в академических институтах или в научных подразделениях университетов, и у меня не возникало сомнений в том, что все они прежде всего видят себя аналитиками, исследователями социальных проблем. Заголовок, предложенный Зборовским, предлагал иное видение своей роли в нашем профессиональном сообществе: *«... я ощущаю себя в первую очередь не ученым... а профессором...»*. Причем, сказано это было автором ряда получивших признание книг по теории и истории социологии.

Тогда я не был лично знаком со Зборовским, и не мог до конца понять смысл этих слов; мне казалось, что нет ничего более захватывающего, чем размышлять над той или иной проблемой, пытаться найти подходы к ее решению, писать статьи и книги. Теперь я дружен с Гарольдом Ефимовичем, постоянно переписываюсь с ним и вижу, что все это он с успехом делает, но одновременно он рассматривает свои публикации не в качестве финального продукта, а как работу над тем, что потом прозвучит на лекциях и будет обсуждаться в ходе семинаров со студентами и аспирантами.

Итогом бесед состоявшихся во второй половине 2014 года, стали еще два интервью, заголовки которых подчеркивали тот факт, что главным в деятельности моих собеседников были не собственно научные исследование, а преподавание. Когда была сделана примерно половина текста интервью, я предложил кандидату социологических наук, доценту Государственного нефтегазового университета Геннадию Геннадиевичу Сорокину две фразы из его интервью, которые могли бы стать заголовками: «Я – преподаватель. Научкой занимаюсь в свободное от работы время» и «Свою научную деятельность я начал... с изучения основ социологии». Мне казалось, что вторая – емко описывает необычность его прихода в социологию, но он отдал предпочтение первой. Его родители имели учительское образование, работали – пусть недолго – сельскими учителями, и Сорокин стремился стать преподавателем.

Еще одним моим недавним собеседником была Вера Владимировна Гаврилюк, профессор того же университета и руководитель кандидатской диссертации Сорокина. Она – автор и соавтор более десяти монографий и учебников, свыше десяти ее аспирантов стали кандидатами наук, но она сразу согласилась с заголовком, в котором были использованы слова руководителя ее первой педагогической практики в школе: «Родилась с указкой в руке». И здесь ее комментарий: «Именно так многие годы я себя и ощущаю. Не случайно, моя первая диссертация была связана именно с процессом обучения».

Что же получается? Можно допустить, что признание социологии в качестве самостоятельной науки, произошедшее в СССР в конце 1980-х, открытие факультетов социологии во многих столичных и региональных университетах, появление значительного числа специализированных Советов по присуждению кандидатских и докторских диссертаций, в последние годы дали рост новой группе специалистов – преподавателей социологии. Для них это – важнейшая составляющая их деятельности.

Рассказ Эльвиры Леонтьевой предлагает нам одну из траекторий вхождения будущего философа в социологию и неожиданного открытия в себе интереса к преподаванию. Она пишет: «прочитала много разного бреда про загнивающую буржуазную массовую культуру, на фоне которой только у советского общества есть шанс создать новую-высоко-образцовую-безусловно-прекрасную, хоть и массовую, но всё же действительно культуру», отчаялась, но здесь случайно открыла для себя маленькую зелёную книжицу Бориса Грушина “Массовое сознание”. На ее основе она сделала курсовую и диплом, «этот маленький зелёный лучик» поддержал в ней «огонёк зарождающейся любви к исследовательской работе». А на 5 курсе у студентов была педагогическая практика, и после нескольких занятий в Томском инженерно-строительном институте Эльвира поняла, что это ее, ей «очень хотелось работать преподавателем».

В плане определения путей развития нашей науки представляется интересным изучить, насколько распространенным становится стремление социологов специализироваться в области преподавания тех или иных социологических дисциплин, курсов. Несложно понять, что наше профессиональное сообщество заинтересовано в появлении подобного рода специалистов, в разработке методологии преподавания социологии, в подготовке учебников и различного рода учебных пособий.

Леонтьева Э. О.: «Ощущение радости от хорошо проведённого занятия — это моё самое большое счастье в профессии»

Эльвира, в последнее время я чаще всего начинаю беседу с вопросов о родительской семье моего собеседника, по ходу нашей беседы я поясню причину такого развития хода интервью. В книге «Социологи России», из которой я узнал Вас, сказано, что Вы родились в Комсомольске-на-Амуре. Ваши родители — первые в Вашем роду Дальневосточники, или они тоже родились там? У Вас очень редкое отчество — Октавьевна. Вы не знаете историю происхождения имени Вашего отца? И вообще, насколько Вы знакомы с прошлым Вашей семьи?

Увы, не могу сказать, что глубоко знаю историю своей семьи. О бабушках и дедушках имею только отрывочные сведения, жалею, что не успела расспросить. Мои родители из Нижегородской (отец) и Кировской (мать) областей родом, приехали на Дальний Восток в начале 1960-х. Они ещё неженаты были, отца призвали в 1961-м армию в Комсомольск, а мама приехала к нему. Ждала, пока он отслужит, а потом решили остаться. Понравилось им там — леса, рыба, грибы-ягоды, романтика и пр. Поженились в 1963-м, там же, в Комсомольске, и всю совместную жизнь прожили в этом городе. После того как отец умер в 1999-м, мама переехала ко мне в Хабаровск.

Почему отца так называли, я точно не знаю, хотя спрашивала бабушку, когда ещё школьницей была. Я переживала страшно, что у меня такое дикое отчество, мне тогда казалось: это катастрофа — как я буду жить с таким отчеством? Отец и сам по молодости стеснялся своего имени. Бабушка мне тогда ответила туманно, что, мол, в то время (отец родился в 1938-м) детей часто называли необычными именами. Но у нас с моей тётёй — сестрой отца, по этому поводу сложилась своя версия. Мой дед был учителем химии и биологии и директором школы в селе. Это очень и очень уважаемый человек, авторитет у него был огромный, больше чем у председателя сельсовета. А бабушка — учитель начальных классов. И когда в такой семье родился сын, то видимо родители решили, что его имя должно было как-то отразить особо интеллигентный статус семьи. Кстати, сестру моего отца, которая родилась через 4 года после него, называли Эльвирой — тоже очень редкое для русской деревни имя. На младшенькую, любимую мою тётю, фантазии уже не хватило, она стала Надеждой.

Мои родители — простые советские люди, честные и порядочные труженики. У них не было высшего образования, оба закончили техникумы, поэтому формально я интеллигент в первом поколении. Но в действительности по образу жизни, отношению к людям и работе, вся их жизнь наполнена таким смыслом, мудростью и интеллигентностью, которых не имеет множество людей с университетскими дипломами. Отец был очень талантливым человеком, он не закончил институт исключительно по «идейным» соображениям. Бросил его на 6 курсе вечернего отделения, заявив маме, что знания он получил, это главное, а диплом ему не нужен. Я помню, как он сидел ночами над задачами и контрольными, помогал мне делать математику и физику, которые я ненавидела. Для него решение задач — любых: математических, технических — было делом особого азарта.

Он не мог ничего делать пока не решит, всё время думал, думал и всегда решал. Он работал мастером – монтёром электрооборудования на судостроительном заводе, был специалистом экстра-класса. Когда завод сдавал военные заказы, отец уходил в плаванье вместе со сдаточной командой. Это были командировки по три-четыре месяца, иногда до полугода. Большинство заказов были секретные, поэтому он никогда ничего не рассказывал. Только тогда, когда уже всё развалилось, и он остался не у дел, немножко пробалтывался – где он только не был, все северные моря исколесил. Были даже случаи, когда на кораблях что-то случалось, никто не мог сделать, тогда за ним из Приморья, где была база, присылали спецрейсы. Он всегда всё мог сделать. У нас дома никогда не было сломанной техники. А также у наших родственников, друзей, соседей – ему несли всё от утюга и чайника до автомобиля. И для него это не было заработком, это был образ жизни, азарт – смогу ли я решить эту очередную задачу. Это потом, когда надо было как-то выживать, он стал работать по заказам, но это уже очень грустная история.

Маме сейчас 77 лет, это человек неиссякаемой энергии. Всю жизнь проработала в строительстве. Приехала в Комсомольск после техникума, и её сразу же отправили мастером на строительство дороги Комсомольск-Солнечный, это большой посёлок к северу от Комсомольска, центр одного из районов Хабаровского края. И она, совсем ещё девчонка, тянула эту дорогу среди дремучей тайги, командуя двумя бригадами взрослых мужчин. Эта дорога сейчас – наша гордость, символ вклада моей мамочки в дело процветания человечества. Настоящего вклада, реального, какого у меня никогда не будет. Потом она работала в крупнейшем на Дальнем Востоке стройтресте, и, несмотря на отсутствие высшего образования, занимала инженерные должности. Сейчас, вспоминая своё детство, не устаю удивляться и недоумевать, как мама могла, работая с 9 утра до 6 вечера (а часто, когда сдавался объект, и до 8 –9) содержать в идеальном порядке квартиру и нас, троих детей. У нас всегда были чистые и наглаженные вещи, горячий завтрак перед школой, обед из трёх блюд в холодильнике, вкусный ужин, чистота в квартире. Загадка советских женщин. Она и сейчас очень много делает для моей семьи, взяв на себя заботу о ней во время моих отъездов и вечных дедлайнов.

Мои родители очень тяжело пережили слом эпох и я, находясь тогда ещё только в самом начале пути, ничем не могла им помочь. Отец не успел даже мной погордиться, когда он умер, я ещё училась в аспирантуре. Сейчас для меня мама – мой энерджайзер и живой пример как надо жить, отдавая и ничего не требуя взамен, и только тогда у тебя будет что-то действительно хорошее.

А не могли бы Вы пояснить слова: «очень тяжело пережили слом эпох»? Вы понимаете, Эльвира, время летит стремительно, уже выросло поколение социологов, которое не понимает, о каком сломе идет речь, в чем оно выражалось. А что говорить о следующих поколениях?

Я имею в виду конец советской эпохи. Наверное звучит немного пафосно, мы этого, конечно, в таких терминах не осознавали. Это сейчас мы знаем, что в глобальном смысле был конец биполярного мира. А в обычном смысле, в повседневной жизни это был конец привычного и понятного мира. Причём резкий и очень болезненный. Так получилось, что в нашей семье не было

ни обласканных властью, ни обиженных ей – мы были обычные. Я думаю, что именно таким было особенно плохо тогда, в 90-е, они были в абсолютном проигрыше: всё, чем они жили, что строили и в чём видели смысл, рухнуло за несколько лет. Завод, на котором работал отец, перестал получать заказы, а люди зарплату. Мудрая мама ушла на пенсию сама ровно в 50 лет, за пару лет до того, как из треста, где она работала, всех уволили, а сам трест разделили на несколько строительных компаний и всё приватизировали. Люди, отдавшие свои жизни этим предприятиям, были просто «вынесены за скобки» как ненужный отработанный материал.

Похоже, что Вы закончили школу накануне перестройки, чем Вам запомнились школьные годы? Повезло ли Вам с учителями, особенно в старших классах? Как шло учение? Кем хотели стать?

Школа у меня была тоже самая обыкновенная – в шаговой доступности от дома. Потом, когда я училась в 8 классе, мы переехали, но школу менять не захотелось. Если коротко отвечать на Ваш вопрос, могу сказать, что с учителями мне не повезло, но учение шло хорошо! Мне всегда всё легко давалось в учёбе, и было даже как-то весело, что особо-то и учиться не надо. Мама сейчас моим детям рассказывает, что когда я приходила из школы, то сразу делала уроки. Я это помню только про начальную школу, а потом их делать особо не надо было. В последних классах мы подолгу после уроков оставались в классе – убирались, там же и делали уроки, готовили какие-то номера для вечеров – это было, пожалуй, самое замечательное время за всю школьную жизнь. Моё общее впечатление о школе, если коротко – легко, но на уроках ужасно скучноооо!!! А самое интересное – то, что происходит после уроков.

Кроме того, в эту же школу ходил мой старший брат, доставивший много проблем учителям из-за увлечения Битлами, длинных волос и нежелания слушать политинформации – представляете, и у нас в Комсомольске такое тоже было. Поэтому учителя ко мне относились как бы сквозь призму их отношения к брату. Если мои учителя сейчас живы, то им очень-очень много лет, и я не могу их в чём-то упрекнуть. Он жили так, как считали правильным. Единственная, кого должна вспомнить с пиететом – учитель химии Золотарёва Людмила Тимофеевна. Это и правда Учитель. Я не связала свою жизнь с этой наукой – никогда не лежала душа, но в её изложении химия была так понятна, логична и прекрасна, что даже странно как это я смогла её не полюбить. И делала она всё это без всякой назидательности, фальши и идеологии, чем доставали все учителя – благо в химии это было легче, чем в истории или литературе.

Я помню всех учителей, про каждого могу рассказать, но никого не вспоминаю с благодарностью за вклад в мою личность, как бы ужасно это ни звучало. Никому не надо было растить из нас мыслящих, читающих, думающих людей – надо было только зубрить и отвечать как положено. Немного нравился английский, даже занималась дополнительно и участвовала в олимпиадах. Но пользы это не принесло. Говорить нас не учили, что только усугубило языковой барьер, который мучительно преодолеваю до сих пор. Школу запомнила не учёбой. До 9 класса было как-то вообще не интересно, и про этот период мало что помню, если честно – уроки и всё. А вот в 9-м и 10-м (у нас была 10-летка) началась просто другая жизнь. Из трёх восьмых классов сделали один девятый из

40 человек – 32 девочки и 8 мальчиков. И почему-то нам было очень комфортно и весело вместе. Нравилось просто быть в школе, проводить время, общаться. А учёба шла как бы сама собой. Именно поэтому я не была отличницей – то есть я была отличницей до 7 класса, – потом стало просто скучно, и в старших классах стало интересно ходить не на уроки, а в школу. Школу я закончила не блестяще, просто хорошо – 4 «четвёрки» в аттестате.

Но был один момент, очень важный для меня, который чуть не повлиял на мой выбор профессии – посещение учебно-производственного комбината. Вы наверное, знаете в советских школах была такая практика – очень, кстати, хорошая и жаль что сейчас этого нет – с 9 класса один день в неделю посвящать производственному обучению. Мы ходили в специальный корпус – комбинат, оборудованный цехами под разные профессии. Выбор был небольшой, но был – девочки могли учиться на секретаря (печатать на машинке), продавца-кассира, швею. Мальчики – на водителя-механика, слесаря и ещё кого-то не помню. Я выбрала швею, т.к. шить любила с 5 класса, а в основном девочки у нас пошли на секретарей, там в группе даже дефицит мест был, а на швею не очень-то хотели. Работали с нами мастера с производства, очень квалифицированные, реально учили. И хоть шили мы всякую фигню – трусы, халаты и пр. хлам, мне было интересно всё – отработать ровную строчку, научиться делать мелкий ремонт машины – техника была ещё та! Но самое главное – у нас были дополнительные занятия по моделированию одежды, куда ходили по желанию и бесплатно. И вот это было просто круто. Мы там творили чудеса, и это самое прекрасное воспоминание школьных лет. Мы придумывали, кроили, шили и устраивали показы своих вещей. Стыдно признаться, я не помню имён тех мастеров, которые с нами работали, но вспоминаю их чаще, чем учителей, имена которых помню хорошо – парадокс. На втором году обучения у нас была практика на швейной фабрике, там я освоила спецмашины, сдала экзамен и получила разряд. Мне было также сказано, что фабрика даст мне целевое направление, если я захочу учиться в институте. Я очень хотела этим заниматься – изучала справочники для абитуриентов, нашла нужную специальность что-то вроде «конструирование одежды», т.е. не моделирование, где нужна художественная подготовка, а именно конструирование. Весь десятый класс я этим жила – придумывала и шила. Поэтому учёба в старших классах была всего лишь несложным приложением к жизни после уроков и за швейной машиной.

Да, Эльвира, все шло в ту сторону, и что же Вас развернуло, по какой дороге Вы пошли дальше?

Трудно сказать, что именно стало решающим. Я и сейчас во всём сомневаюсь, а уж тогда... Наверное, это и есть главная причина – собственная нерешительность, боязнь брать ответственность за себя. Было два других аргумента: плохое зрение и ненависть к черчению. Первый был абсолютно объективен – у меня была очень высокая и сильно прогрессирующая близорукость. Профессия, предполагающая жизнь между швейной машиной и чертежами (как это нам представлялось!), вызвала родительский протест, опирающийся на авторитетное мнение врача. Мама всячески меня отговаривала, говоря о колоссальных нагрузках на глаза. Если бы я была достаточно уверена в себе, я бы нашла как убедить родителей, мне многое было позволено. Но наверное, мне было внутренне проще при-

нять их аргументы. Тогда казалось очень убедительным, а сейчас даже смешно вспоминать об этом счастливом до-компьютерном представлении о зрительных нагрузках. С черчением тоже было всё очень плохо. Преподавали его только один год в 8 классе, когда это никому не надо было, в том числе и учителю. Чертили какие-то гнусности – гайки, втулки (до сих пор не знаю что это такое), болты, штифты – невозможно нудно, очень трудоёмко и бессмысленно. И это при том, что чертить выкройки для шитья могла часами и за счастье. Гайки и втулки мне чертил отец, но поскольку черчение надо было сдавать на вступительных экзаменах, я испугалась, что там это надо будет сделать самостоятельно.

Второй вариант отталкивался от любви к английскому, я рассматривала иняз, но испугалась бешеного конкурса. Поэтому в результате был включён план С, когда выбор делался не исходя из того что бы я хотела, а из того чего бы точно не хотела. А не хотела я изучать физику-математику. С этой точки зрения оптимальным мне показался исторический факультет. Кроме того я уже давно решила что не останусь в Комсомольске, поэтому почти сразу после выпускного уехала в Томск и подала документы на исторический факультет Томского госуниверситета. Я была достаточно уверена в себе, учила, ходила на курсы, но не поступила – было очень обидно, там также был конкурс четыре человека на место. Меня откровенно завалили на английском, поставили 4, и как раз этого одного балла мне не хватило. Год до следующего поступления был невесёлый – домой возвращаться не хотелось, я чувствовала себя лузером, поэтому я и ещё три моих подруги по несчастью остались в Томске. Мы написали заявления о зачислении на заочное и устроились работать на текстильную фабрику. У одной из девочек там работала сестра, и она нам надружила не только рабочие места, но и комнату в прекрасном общежитии. Общежитие было спокойное, чистое, комната чудесная с прихожей, санузелом, только душ был на этаже. За время поступления мы сдружились и уже сложившейся компанией переехали на новое место. Всё это существенно облегчало страдания от провала – первого в моей жизни такого крупного поражения. Тогда нам этот год казался ужасным, сейчас я думаю, что и он был не зря. Я кстати работала швеёй, меня приняли по диплому о разряде. И эта работа была существенно легче, чем у девочек. Мы конечно, мечтали о поступлении, готовились весь год. На следующий год мы решили поступать не на «историю», а на «философию», тогда это была специальность на истфаке, только в 1991 году она отделилась в факультет. Наверное, мы так решили потому, что там был меньше конкурс, а может быть, на нас подействовали восторги другой нашей подруги, которая поступила на «философию» и рассказывала как там прекрасно учиться. Но поскольку специальность была из списка идеологически выдержанных, надо было принести направление от райкома или более высокого партийного органа, подтверждающего пригодность. И мы с девчонками решили пойти в райком за направлением, решив, что если не дадут, значит не судьба, придётся опять поступать на историю. Вопреки всем ожиданиям направление нам дали, и мы благополучно поступили на «философию» – двое из четверых. Одна девочка не стала поступать, сказала, что ей и так хорошо – зарплата высокая, жильё есть, а учиться и на заочке можно. Ещё одна не поступила во второй раз и тоже обратно вернулась на заочное. Так вот – через тернии – начались мои студенческие годы.

Это какой же год уже был? Томский университет – с давними традициями... Какой была первая реакция на философские дисциплины?

Это был 1986 год. Действительно, Томский университет – очень хороший, горжусь им всю жизнь. На философском отделении была особая атмосфера – простоты отношений и доступности в общении между студентами и преподавателями, мы очень свободно могли вести себя на кафедрах, общаться со всеми преподавателями – без часов приёма и всяких других формальностей. Эту модель я и сейчас в своей работе стараюсь поддерживать. А философских дисциплин было поначалу мало, на первом курсе только история античной (1 семестр) и средневековой (2-й) философии. Зато были физика, математика, биология, языкознание. Чтобы претендовать на знание о мире в целом, философу надо как минимум попытаться изучить и понять его части. Не все же смогут из этих частей вырваться к всеобщему – таков, наверное, был замысел составителей учебных планов. Мне всё очень нравилось и, как в школе, давалось легко. Трудно было много читать, потому что внушительный список текстов давался к каждому семинару. Особенно остро помню свои ощущения не от философских дисциплин, а как раз от тех, что вроде бы мы до этого уже учили в школе, но казалось, что всё было заново. Математика стала так прекрасна и понятна, что только от этого ощущения я была в шоке – одна лекция интереснее другой, ждёшь её как спектакля – такой был преподаватель. После опыта предыдущего года жизни я точно знала, что учиться лучше, чем работать, а учиться я всегда любила (и люблю до сих пор – не стыдно в этом признаться). Я почти всегда легко получала пятёрки и училась с удовольствием. На втором курсе мы немного заленились и стали пропускать занятия, оценки ухудшились, но я старалась всё равно много читать и заниматься в библиотеке. Какая восхитительная в Томском университете библиотека – там прошёл большой и важный кусок моей жизни. Всё чаще себя ловлю на мысли о том, что наши студенты сейчас в интернете и сетях могут освоить в разы больше информации, чем мы в своё время. Но как жаль, что они никогда не узнают, какая отдельная и безусловно прекрасная жизнь может быть прожита в библиотеке.

Судя по году поступления в университет, в студенческие годы Вы уже не состояли в комсомоле, фактически его уже не было. Но в школе и на фабрике Вы участвовали в общественной деятельности?

В школе – да, я была активисткой до 9 класса. На пионерском языке это называлось «член совета дружины», то есть я от нашего класса была в активе школы, и мы устраивали всякие акции. Много было конечно всякой мути идеологической, но что именно, сейчас не помню, зато помню, что ветеранам помогали (даже что-то вроде «тимуровской команды» у нас было), школьный участок убирали, высаживали всякую зелень на территории, собирали макулатуру и металлолом. В 9 классе соединили 3 класса в один, нашлись другие активисты, да и как-то поднадоело уже к старшим классам. А вот на фабрике я не помню, чтобы нас как-то грузили общественной работой, все понимали, что мы люди временные, да и фабрика наша уже тогда так откровенно дышала на ладан, что никакой особенной работы никто не вёл, по крайней мере, в активной её форме. Зато помню – не знаю можно ли отнести это к общественной работе – мы с фабричными ездили летом на сенокос. Это уже было перед самым поступле-

нием, в июле. Нас отобрали из разных цехов, человек 15 и каждое утро вывозили на грузовике в луга и леса, а вечером привозили. Там мужчины косили сено, а мы сгребали граблями его в кучки. Природа была необыкновенной красоты. Места совершенно дикие, заброшенные, и работа в общем-то несложная, мне там очень понравилось. Такой вот необычный опыт был в моей жизни. У меня вообще много было деревенского опыта – в детстве нас со старшим братом постоянно отправляли к бабушкам в деревню в Горьковскую область. Мы там жили месяц-полтора в полном погружении в сельский труд – даже пастушили один раз, коров и коз училась доить, по огороду помогать, а в лес за грибами-ягодами ходить – это до сих пор самое любимое. Но я отвлеклась, простите, вырежьте это если не нужно.

Наверное, на втором или третьем курсе пришлось думать о выборе выпускающей кафедры, специализации? Чему Вы отдали предпочтение?

У нас тогда не было специализаций как таковых, мы выбирали себе преподавателя, с которым должны были писать курсовые работы, начиная с 3 курса, и, соответственно, прикреплялись к той кафедре, где этот преподаватель работал. Преподаватели у нас все были очень яркие, интересные как личности, но, к сожалению, не все умели преподавать интересно. Теперь я понимаю почему – они ведь действительно были философами, а надо было как-то втискиваться в марксистские стандарты. У одних это получалось, у других не очень. Например, диамат у нас был 2 года, 2-й и 3-й курс, и наш восхитительный преподаватель Макаров Вадим Фролович вёл его как обычный курс философии, максимально нейтрально. Диамат там, конечно, тоже был, но он вполне органично был интегрирован в разные другие интересные вещи. Его курс научил меня простой вещи: пониманию того, что мышление (и все его продукты – тексты, лекции, доклады и пр.) нужно структурировать по рациональной и логически строгой схеме. Строгой настолько, насколько максимально это возможно, если иметь в виду важную роль свободы и творчества в философском поиске.

В терминологии В. Ф. это звучало вроде «не растекаться мыслью» (не дословно, а в принципе). Его заклинание «Ищите и формулируйте проблему», бесконечные вопросы «В чём здесь проблема?» до сих пор для меня являются лучшим профессиональным ориентиром. Я сначала хотела проситься к нему на курсовую, но струсилась, т.к. немного побаивалась и его, и тех сложностей теоретической философии, с которыми пришлось бы столкнуться. И главное – мне трудно было определиться с тем, где ещё я могла бы вставить в ней свои «пять копеек». Поэтому я решила поискать что-то менее умозрительное. Я теперь не помню как это было в деталях, но наверное, сама судьба взяла меня за руку и привела к Галине Ивановне Петровой. Галина Ивановна у нас вела курс истмата. Вела так спокойно, интеллигентно, как всё, что она делает. С ней я проработала со 2 курса до окончания аспирантуры. Она никогда ничего не навязывала – главное, чтобы вам было интересно.

На 2 курсе пришлось пометаться с выбором темы, очень сложно было понять, чем стоит заняться. Метания затянулись, и когда надо было уже показывать какой-то продукт, пришлось быстро написать довольно странную работу по тождественности экологических и моральных ценностей. Честно – не помню оттуда ни одной идеи кроме той, что легла в основу формулировки

темы. Возможно, в 1987 году это было ещё не так избито как сейчас. Зато вот уже на третьем курсе я нашла свою тему и стала с удовольствием заниматься ещё совершенно не занятым тогда феноменом массовой культуры. Две мои курсовые, написанные с радостью и полной отдачей, пара выступлений на семинарах, публикация и потом диплом – вот мой вклад в развитие этой темы. Наверное, это как раз и был тот период когда я почувствовала удовольствие от исследований. Главную идею этих работ я помню до сих пор. Мне она и сейчас кажется не плохой, хотя я уже этим давно не занимаюсь и почти уверена, что к сегодняшнему дню наверняка её кто-то уже отработал. А тогда по этой теме было мало серьёзной литературы – больше публицистики и искусствоведческих статей, ничего конкретного. Единственная опорная точка, моя настольная книга – монография Бориса Грушина «Массовое сознание», такая маленькая зелёная книжица в твёрдой обложке издательства «Политиздат». Действительно очень классная книга, пример которой, также как и пример многих наших преподавателей показывает, что, несмотря на тотальную заидеологизированность всего и вся, были интересные философы, которые умели достойно работать. Я долго хранила эту книжку и только при последнем переезде она куда-то затерялась. С Галиной Ивановной у меня сложилось сразу, и после первой же не очень удачной курсовой я поняла что остаюсь с ней. Так вот я и определилась.

Эльвира, очень интересно. Я переслал Вам pdf-версию моей небольшой книжки о Б.А. Грушине, и в ней сказано, что на протяжении многих лет он больше всех других своих работ ценил именно это книгу. Приведу фрагмент из нее: “При написании первой статьи о Грушине я несколько раз звонил Борису Андреевичу, чтобы уточнить ряд деталей. Как только я сообщил ему о начале работы, он моментально среагировал: «Тогда ты должен иметь книгу “Массовое сознание”». Я ответил, что книга у меня есть, но он продолжал: «...такая зелёная»; я ещё раз подтвердил, что всё в порядке. Для меня, знающего, сколько Грушиным написано и насколько глубоко он был погружён в свою текущую работу, эта его реакция была неожиданной. Но теперь я могу полнее оценить значение этой «зелёной» книжки и лучше понять истоки её «поэтичности»”.

Что же Вы открыли в ней для себя?

Да-да, зелёная... Она была из какой-то серии политиздатовской, которая выходила периодически и называлась как-то наподобие «О чём говорят философы». Я не помню как я на неё вышла, скорее всего Галина Ивановна рекомендовала, у неё просто чутьё на нужную тебе информацию. Открыла я в ней простые вещи, которые давно искала в этой теме – нормальный человеческий язык, рациональный подход и то, что нам внедрял Макаров – постановку проблемы и наличие логики в работе с ней. Дело в том, что эта книга случилась у меня после того как я прочитала много разного бреда про загнивающую буржуазную массовую культуру, на фоне которой только у советского общества есть шанс создать новую- высоко-образцовую-безусловно-прекрасную, хоть и массовую, но всё же действительно культуру. Книжки эти назывались как-то шаблонно вроде «Массовая культура: миф и реальность». Если авторы не соревновались в идеологической казуистике, то читать всё равно было невозможно из-за пустого многословия, «растекания мыслью», как сказал бы вышеупомянутый Вадим Фролович. Я уж отчаялась, решила нагло придумывать с чистого листа. У нас были студенты,

которые считали что это и есть признак выдающегося ума и таланта. Но я (тогда наверное интуитивно, а сейчас осознанно) считала, что так неправильно, надо на кого-то опереться.

Книжку Грушина я начала читать в таком вот безнадёжном состоянии, и она сразу мне понравилась. Там всё было живое: язык, автор, идеи: по-моему он даже пишет от первого лица – «я изучал...», «мне было трудно понять...» – это тоже было созвучно моим мучениям с темой. Всё понятно, чётко и по делу. Я сейчас, увы не помню деталей. Вряд ли я тогда достаточно хорошо поняла глубину и суть авторского замысла. Общая линия, если не ошибаюсь, у него была дедуктивная – выведение массового из общественного, как одной из функций. Функций – в смысле зависимости переменных. Второе, что помню из книги – детальный разбор понятия «массы» как альтернативного «группе». Но всё это я помню, скорее всего неправильно, ведь это актуализированные воспоминания, воплощённые в терминах моего сегодняшнего языка. Но как минимум, это была попытка применить общую авторскую логику для своего случая, т. е. для анализа сходного явления. На основе концепции Грушина я сделала курсовую и диплом, и его книга через обе эти работы прошла, что называется, красной нитью как базовая концепция. Спасибо ему за то, что этот маленький зелёный лучик поддержал во мне огонёк зарождающейся любви к исследовательской работе. И светлая память!

Эльвира, очень добрые и точные слова, разрешите я перешлю их его вдове – Наталье Георгиевне Карцевой?

Да, конечно, буду очень рада.

С Б. А. Грушиным Вы вышли на «социологическую тропу». Что было дальше?

Я тогда ещё не вышла на социологическую тропу, это случилось намного позже. Да и книгу Грушина не могу назвать чисто социологической – это полноценный философский труд. Мне просто очень нравилась философия. Люблю её до сих пор, считаю чем-то возвышенно-недосягаемым. Я долго пыталась в ней определиться. На 5 курсе у нас была педагогическая практика, и я после нескольких занятий в Томском инженерно-строительном институте поняла, что это моё. После окончания очень хотелось работать преподавателем, но уже тогда не было мест. Когда я заканчивала университет, уже не было никакого распределения, и приходилось метаться. Первые мои метания привели меня в одну из лабораторий НИИ психического здоровья в Томске. Я там проработала ровно один месяц испытательного срока и ушла, так как было понятно, что нового молодого лаборанта, если и допустят до исследовательской работы, то очень нескоро. А скорее всего не допустили бы вообще – я потом имела возможность получать информацию о том, как развивались события в этой лаборатории. После этого мне подвернулась должность методиста в кабинете гуманитарных наук медицинского института.

Я к тому времени была уже замужем, муж мой заканчивал тоже философское отделение, на следующий год после меня. Кстати, как раз в год моего окончания, в 1991-м философское отделение стало факультетом. Время тяжёлое, полная неопределённость и неразбериха, очень низкие зарплаты, продуктовые карточки. Таких пустых магазинов не было даже при советской власти. В мето-

дическом кабинете работать мне нравилось, несмотря на зарплату. Кабинет был при кафедре гуманитарных дисциплин. Это была такая маленькая библиотечка с литературой по гуманитарным наукам, которую мы должны были хорошо знать и рекомендовать студентам, а также выдавать, следить за ней, дежурить в кабинете по субботам и пр. Самое главное, что мне дали 0,25 ставки преподавателя, и у меня были семинарские занятия по философии в двух группах. К тому же на кафедре и в кабинете, кроме меня, работали ещё две выпускницы нашего факультета, и мы очень сдружились. Ходить на работу было в радость. Я бы с удовольствием там работала дальше, но в 1992 году у меня случилось рождение сына и связанное с этим событием возвращение к родителям в Комсомольск.

В Томске нам негде было жить, мы еле как умещались вдвоём с мужем в комнатке общежития какого-то завода. Получить эту комнату нам помог его отец, и поскольку мы не имели отношения к предприятию, соседи поглядывали на нас, мягко говоря, недружелюбно. Не могло быть и речи чтобы принести туда ребёнка. Поэтому я накануне счастливого события его рождения уехала в Комсомольск, а муж, только закончивший университет, решил попробовать свои силы учителем гимназии в Сургуте. В Сургуте у него была квартира, и мы хотели её обменять на Томск, но поскольку было предложение поработать в гимназии, решили отложить это на потом. Думали, что пока он там устраивается и привыкает к климату и новому месту, пусть ребёнок родится в Комсомольске, а потом воссоединимся. Конечно, ни о какой научной карьере я тогда не думала, читала Пушкина вслух и слушала Шопена, как положено делать будущим мамам. Мы на время разъехались, а оказалось, что уехали из Томска навсегда. Воссоединились мы уже на дальневосточной земле, после рождения нашего сына Марка. Муж за одну зиму понял, что в Сургуте жить он не сможет, вернулся к нам и мы стали строить новую жизнь.

Ответ на последний вопрос Вы прислали мне из Германии, отметив, что это Ваш первый серьёзный опыт стажировки за рубежом. Как и всех представителей Вашего поколения я предполагал спросить Вас об обучении за границей. Но сейчас хотел бы нарушить хронологию в изложении Вашей жизни и просить Вас рассказать о цели настоящей командировки, об Университете, в котором Вам предстоит изучать опыт и т. д.

Эта командировка случилась, когда я уже отчаялась получить опыт работы и исследований за рубежом, и уже смирилась с этим. То есть у неё довольно долгая предыстория. Тема, к которой я пришла к 2002 году («Коррупция в высшем образовании»), вывела меня к университетской повседневности. По опыту общения с российскими коллегами из других регионов я понимала, что при кажущейся однородности каждый российский университет – чёрный ящик, т. к. тот набор повседневных вещей, который он скрывает в себе, уникален. И было безумно интересно посмотреть, как это в других странах. Я стучалась во все фонды с 2003 года. Длинные поездки у меня не получались, но вот две короткие были очень удачными, знаковыми для меня. Первая случилась в 2009 году в Монголию. Это был отличный замысел Антона Олейника собрать международные команды и организовать серию семинаров-тренингов. Было безумно жаль, когда после второй встречи фонд прекратил финансирование, и проект так и не был завер-

шён. Тем не менее, Антон этот замысел реализовал как мог, поддерживая нас, бывших участников, уже вне рамок проекта. Он дважды приезжал в Хабаровск, чтобы продолжить это дело.

Второй важный шаг, закончившийся в результате тем, что я сейчас в Бремене, случился в 2010 году. Я получила приглашение на школу «Changing Europe» в Прагу, одним из организаторов которой был Хайко Пляйнес, профессор Центра восточноевропейских исследований в Бременском университете. Это было моей первой поездкой в Европу. Там я познакомилась и подружилась с Еленой Денисовой-Шмидт, с которой очень активно работаю вместе последние два года. Эта школа и встреча с Еленой открыла новый этап в моей работе и жизни. Вместе с ней мы проводим уже третье исследование. В прошлом году Елена порекомендовала мне подать заявку на стипендию немецкого фонда академических обменов DAAD. Но для заявки нужно было приглашение от немецкого коллеги, мы обратись к Хайко, и он прислал мне приглашение. Вот так я оказалась здесь.

Как я уже говорила, к изучению университетской повседневности я пришла от темы коррупции по длинному пути: от взяток к немонетарной коррупции, от немонетарной к неформальным сетям, от сетей к повседневным практикам. И тут обнаружилась большая проблема в том как работать с понятием «коррупция», потому что для большинства российских исследователей (не говоря уже о простых людях), повседневные практики взаимопомощи и поддержки не являются коррупцией, даже если в эту взаимопомощь вовлекаются служебные интересы и полномочия. А для западных исследователей это коррупция, так же как и для всех организаций, занимающихся её мониторингом (Transparency International, World Bank и др.). Поэтому здесь есть такая большая асимметрия дискурсов, разные языки, и я сейчас во всём этом пытаюсь разобраться, решив для начала понять разницу между формальными и неформальными правилами в университетской повседневной жизни и сравнить их с российскими. Это и есть тема моего проекта здесь. Это поиск ответов на простые вопросы – что должен и чего не должен делать студент или преподаватель в университете и что они реально делают. Кто устанавливает эти правила, откуда они берутся. Меня интересует как сами студенты и преподаватели это понимают, что они об этом говорят, и что я вижу из наблюдения.

Исследование я провожу в Бременском университете, в центре восточноевропейских исследований. Университет огромный, целый город из нескольких десятков зданий. Он – из новых, то есть был открыт уже после войны, но уже имеет очень хорошую репутацию. Здесь очень сильное естественнонаучное звено – исследование морей и климата. Кроме того, университет всегда отличался своими левыми и либеральными настроениями, многие профессора тут на «ты» со студентами и друг другом, это, как мне рассказывают, не характерно для Германии. Я встречаюсь с преподавателями, посещаю занятия, планирую также опрос студентов и интервью с несколькими русскоязычными студентами. Мне сильно облегчает задачу, что почти все преподаватели, которые работают в центре, говорят по-русски и с большим пониманием относятся к моей работе. Что касается предмета моего исследования, меня интересует коммуникация между студентом и преподавателем: правила, которые установлены для них в университете, правила, которые преподаватель устанавливает для студентов или студенты

для преподавателя и дистанция между преподавателем и студентом. Всё вместе должно дать представление о границе формального и неформального в рамках этой коммуникации. И всё пока склоняется к тому, что здесь больше всего неформального. И это совсем не то, что я ожидала увидеть и не то, что я сформулировала для себя как рабочую гипотезу. Тем не менее, очень интересно, совсем по-другому чем в России, куча всякой разной эмпирики, целый день только и делаю что хожу, смотрю, спрашиваю и пишу. И чем дальше, тем всё запутаннее и непонятнее что со всем этим ворохом материала делать.

Мы позже, безусловно, еще поговорим о Вашей германской командировке... а сейчас вернемся к прерванному разговору о Вашем движении в социологию. Итак, сын родился, Вы его познакомили с Пушкиным и Шопеном (по-моему, выбор второго – очень значим), семья воссоединилась. Вы решили вернуться к работе? Что Вы предприняли?

Да уж, познакомиться – познакомила, но полюбить насильно не заставишь. Но... этим летом я неожиданно обнаружила у него на столе открытый том с «Евгением Онегиным» – тот самый! Порадовалась. Так что может и про Шопена когда-нибудь вспомнит.

А тогда я ничего не предпринимала, у меня всегда всё предпринимает муж. Поскольку мы с ним одной профессии, пока я сидела с ребёнком, активным поиском вакансий для нас обоих занимался он, и эти поиски завели его в Хабаровск. Он стал преподавать в военном институте, который реорганизовали из строительного в пограничный, и из-за реорганизации там открылось довольно много вакансий. Так получилось, что начальник кафедры, куда устроился муж, был из гражданских, закончил философскую аспирантуру и защищался в Новосибирске. Он хорошо знал марку Томского университета и с радостью взял на следующий год и меня тоже. В августе 1994 года, когда Марку было 1,5 года я переехала из Комсомольска в Хабаровск, где нам дали комнату в офицерском общежитии. Так начался новый этап моей профессиональной жизни. Мы преподавали философию для курсантов 2-го курса, причём нам дали ещё и лекции. Лекции до этого я не читала, и было очень страшно. Я вообще человек стеснительный, преподавать мне нравится в том числе из-за какого-то адреналина, который мне даёт вхождение в аудиторию. Это каждый раз какое-то преодоление себя, испытание и следующая за ним радость от того что всё получилось. И это до сих пор заводит, сейчас уже по-другому чем тогда, но ощущение радости от хорошо проведённого занятия – это моё самое большое счастье в профессии. А тогда войти в лекционную аудиторию – это было сверхиспытанием, к которому готовишься сутками, представляешь себе каждый шаг, волнуешься. Помню свой самый жуткий страх, что я в каком-нибудь месте лекции неожиданно забуду всё, замолкну и не смогу продолжить – это просто кошмар. И хоть такого ни разу не было, страх был дикий.

Работать было интересно, это было то, что мы любили и чему хотели научиться. Муж сдал документы на призыв на военную (офицерскую) должность, поступил в аспирантуру в Томск и начал работать над диссертацией. Наше общежитие было на территории института, это было очень удобно, мы передавали сына друг другу, а иногда и брали его с собой, хоть это и не поощрялось в военной

структуре. И в общежитской жизни была своеобразная романтика – у многих были маленькие дети, мы объединялись и присматривали за ними, когда кому-то надо было уйти. С некоторыми из бывших соседей мы дружим до сих пор.

Муж быстро написал диссертацию, в 1996-м защитился, и мы стали сразу думать о моей защите. Ездить в Томск нам казалось дорогим, и мы решили сначала, что стоит попробовать найти какие-нибудь варианты здесь. К тому времени мы подружились с Леонидом Бляхером, завели другие контакты с местными интеллектуалами, и они нам посоветовали поговорить с одним уже тогда очень заслуженным профессором в Политене (сейчас ТОГУ, где я и Леонид работаем). Леонид нас познакомил, мы поговорили, но как-то мимо. Мне было сказано, что тема моя (массовая культура) какая-то не такая, и я не работаю у них в вузе, поэтому надо платить за обучение и за всё остальное. В общем, мне были не рады, и мы с мужем подумали, что раз уж всё равно платить, то уж лучше в Томск.

И в 1997 году я поступила в аспирантуру нашего философского факультета, к Галине Ивановне (кстати, муж тоже у неё защищался). Меня встретили там как родную, впрочем безо всякого «как» – все эти годы, что я училась в аспирантуре я и была там родной. Оказалось, что и платить за учёбу было не нужно, не было даже такого вопроса. Каждый год я ездила туда, сдавала экзамены, участвовала в семинарах и конференциях, и была безумно рада, что хабаровский профессор меня не взял. Я защитилась в 2000 году, но мой переход в социологию случился уже после. Как мне кажется, это был довольно резкий переход.

По какой теме Вы работали в аспирантуре и как называлась Ваша работа?

Я защитилась по социальной философии, тема моей диссертации «Философские основания концептуализации социального пространства». Тогда это была очень популярная тема, так как философия социального, которой не было в советское время, тогда только приобретала свои институциональные признаки. Тема в целом мне нравилась, но уже скоро я столкнулась с тем, чего всегда боялась в спекулятивной философии. Очень сложно хоть в чём-то претендовать даже на минимальную новизну. Вот осенит тебя гениальная идея, ты начинаешь работать над аргументацией и буквально сразу же обнаруживаешь, что идея твоя если и не очень старая, то всё равно отработана так, что просто некуда вставить свои «пять копеек». Конечно, уже тогда мы все читали запоем постмодернистов, которые писали как об азбучной истине о том, что время философских открытий как больших нарративов давно ушло в прошлое, но принимать этого не хотелось. И чем дальше я работала над темой, тем мне становилось всё труднее и труднее. Но в какой-то момент я поняла, что надо остановиться и просто защититься. После защиты я дала торжественное обещание, что больше никогда! Ни строчки!

Вы сказали: «...был довольно резкий переход». В чем он заключался? Куда Вы перешли?

Вы просто до этого говорили о «движении в социологию». Сейчас я не уверена, что между философией и социологией есть эта граница, но тогда мне казалось, что это был именно переход. А дело было так. После защиты, как я уже сказала, я взяла «обет молчания». И вот проходит буквально месяц, и мой друг Леонид Бляхер приносит мне анонс одного гранта. А тогда на рубеже 2000-х зарубежных грантов было много, и Леонид быстро это дело освоил. Тогда он сказал

мне, что это очень клёвая программа, но он под неё не подходит, так как докторам наук там нельзя участвовать. Программа называлась «Социальные исследования образования в России», финансировалась от фонда Спенсера, которого в России представлял Европейский университет в Санкт-Петербурге и директор программы Даниил Александров. Я попробовала засомневаться вслух, но Лёня сказал, что он придумал сказочную тему, и я – самый подходящий по условиям гранта кандидат. Я согласилась ради дружбы, Лёня умеет зажечь. Тема называлась «Институционализация неформальных отношений в сфере высшего образования». Лёня помог с заявкой, и я выиграла этот грант. А через 10 лет защитила по этой теме докторскую диссертацию. Эта тема стала моей, я в ней живу до сих пор.

Переход, как я сказала, был для меня резким потому, что это была чисто эмпирическая тема. А у нас на философском факультете (в мою бытность там) не очень-то любили позитивизм, как мне казалось. Когда я его заканчивала, там социологии вообще не было, даже в списке преподаваемых дисциплин. Поэтому мне как человеку, воспитанному в «высших философских идеях», надо было приземляться и изучать то, как надо изучать жизнь.

Вы остановились на самом интересном... Пожалуйста, расшифруйте тему, как Вы ее трактовали? Как шла работа?

Работа началась с участия в летней школе Европейского университета «Развитие социальных исследований образования в России», на которую были приглашены победители конкурса. Школа состоялась в сентябре 2001 года, я тогда впервые побывала в Санкт-Петербурге. Для меня это было открытием нового измерения в научной деятельности. А может даже вообще открытием таковой, учитывая, что мой предыдущий опыт ограничивался только работой над кандидатской. За 10 дней была прожита отдельная жизнь, в которой было всё – серьёзная и интересная учёба, новые знакомства, разговоры с утра до ночи, опыт защиты своих идей. На этой первой школе я получила полный и элегантно упакованный минимум всех научных форматов. Это был совершенный шок – стопроцентное попадание в то, что мне было интересно. Школу проводил Даниил Александров, и всё держалось на его харизме. Главное даже не в том, что он сам блестящий лектор, и даже не в том, что он мог всех зажечь и увлечь – это в принципе встречается довольно часто. Во-первых, он очень много внимания уделял каждому участнику лично. Но самое главное – и я знаю очень мало человек, которые могут это делать – он настолько логично, рационально, абсолютно из каждого, даже самого безнадёжного доклада мог извлечь интересные и оригинальные идеи, «отшелушить» их от банальных и невнятных, (которых всегда больше) и чётко, по пунктам, показать автору в какую сторону надо дальше идти. Это было невероятно красиво в отношении разборов докладов других участников, и бесценно для моего собственного доклада.

С Даниилом Александровичем я потом пересекалась ещё дважды – на его школе в Новосибирске в 2004 году и на семинаре в Пскове, который тоже проводился в рамках его Программы. Это были тоже интересные и по-своему полезные события, но та первая школа, в общем, и стала такой «путёвкой в жизнь». Там я получила много советов и рекомендаций как работать над своей темой. После этой школы я начала осваивать методологию эмпирических исследований и читать книжки по социологии. Также Даниил Александров посоветовал

мне познакомиться с работами по неформальной экономике — это то, что было близко по контексту к моей тогда ещё достаточно новой теме и вместе с тем уже хорошо изучено. Для этого он посоветовал съездить на стажировку в Высшую школу экономики, которая тогда как раз планировала ряд больших эмпирических проектов по исследованию образования. У нас на школе несколько занятий проводила Татьяна Львовна Клячко, эксперт по экономике высшего образования, она в тот период как раз работала в вышке. Там же, в Санкт-Петербурге мы с ней договорились, что я приеду зимой.

В январе-феврале 2002 года я действительно месяц провела в Вышке, но за это время только начала вникать в тему. Наиболее полезным для меня тогда оказалось знакомство со Светой Твороговой, социологом из Вышки, с которой мы познакомились у Александрова на школе. Мы подружились, и Света мне много помогала, подсказывала, рассказывала. Проблема была не только в том, как собирать данные, но и с исходными данными, на которых могли бы быть основаны гипотезы. Ничего такого у меня не было и не могло быть. На таком уровне конкретики я ещё никогда не работала, но, несмотря на то, что всё было сложно, впервые и вновь, мне было очень интересно. Это был какой-то захватывающий процесс, когда ты понимаешь что и для чего ты делаешь, в каком направлении идешь. Это в корне отличалось от такого же захватывающего и интересного, но всё-таки непонятного ни по смыслу ни, тем более по направлению, блуждания по философским дебрям. В философии тебе просто интересно, и всё. И этого было бы достаточно, но только для тебя. А для всех, кто принимает твои работы к защите и публикации, а тем более решает давать или нет тебе денег, этого явно недостаточно, а обосновать новизну и значимость в философии для меня всегда было сложно. И ведь дело совсем не в том, что хотелось что-то кому-то показать. Хотелось всего лишь надеяться, что в твоём одержимом желании узнать новое есть что-то кроме и помимо твоего частного интереса.

В новой теме с этим не было проблем, проблемы были в другом. Для меня это было первое эмпирическое исследование. Кругом одни вопросы и никаких ответов: я могу провести исследование только в Хабаровске, а это не репрезентативно — что же делать? Я не знаю, как отбирать респондентов. Я не знаю, как вообще можно найти респондентов, которые будут говорить о взятках. И откуда я, наконец, знаю, говорят они мне правду или нет. Это только примерный перечень тех проблем, которые я решала в своем первом эмпирическом исследовании. Да, конечно, тогда уже были книжки о количественных и качественных методах. Но когда ты сама вот так плывёшь вслепую, книжки больше вызывают вопросов, чем дают ответов, потому что сколько авторов, столько и подходов. Это я знала ещё из философии. Поэтому я поплыла, подключив интуицию к обилию услышанного и прочитанного.

Я подумала, что начну я, пожалуй, с интервью. Я решила, что этот метод самый доступный с точки зрения организации поля и технически самый беспроблемный с точки зрения минимизации ущерба, то есть если ты вдруг поймешь что что-то идёт не так, можно легко и без издержек все приостановить, прекратить, подумать, изменить. И это правда — я сейчас понимаю. Сейчас, если случается, что кто-то спрашивает моего совета, я всегда говорю: не знаете с чего начать, начните с интервью. Оно покажет, насколько состоятельны ваши предположения. А потом можно подумать, что делать дальше. В 2002-начале 2003

года я взяла серию первых интервью и стала потихоньку с ними высовываться. В 2004 году я начала ездить по конференциям и школам с первыми результатами, а также думать о том, что можно провести и survey. Всё оказалось, в конце-концов, так же как и в философии – сформулируй проблему, пойми что ты хочешь узнать и если ты это чётко поймёшь, то уж методология для этого всегда найдётся. Есть то, что можно получить из survey, есть то, что может дать интервью – это не пересекающиеся но вполне себе сосуществующие стратегии. И вот с этим делом – формулировкой проблем и исследовательских вопросов в социологии у меня как-то лучше пошло, чем в философии. И кстати, так вот между делом, у меня родился второй ребёнок в августе 2003 года, в разгар работы по всем фронтам. Спасибо маме, я почти не сидела в декрете, официально вышла на работу уже в феврале 2004-го, а неофициально, обычная суета в виде проектов-опросов-заявок-дедлайнов и пр. радостей академической жизни не оставляла меня ни на день. Так вот и живу до сих пор.

Вы подробно описали, кто помог Вам в освоении новой исследовательской области – социология образования. Защитились Вы в 2010 году, Вы продолжаете разрабатывать эту проблематику? С кем из московских, петербургских, сибирских социологов Вы сотрудничаете? К каким практико-ориентированным выводам Вы пришли?

Да, в целом я продолжаю, но в процессе естественным образом расширился контекст исследований. Я от коррупции вышла к повседневным университетским практикам, коммуникациям в академическом сообществе, особенностям академической среды и подобным вещам, включая общий интерес к социальной истории университетов и их современному развитию. Теперь вот заинтересовалась российскими студентами за рубежом и иностранными студентами в России. Большое Вам спасибо за информацию о собрании работ Шереги! Сейчас у меня аспирант пишет по иностранным студентам на Дальнем Востоке, и есть на кого опереться, так как Шереги стал первым изучать иностранных студентов в России.

Но интерес к коррупции и неформальным практикам остаётся моим ключевым направлением. Коррупция – очень сложный и многогранный феномен общественной жизни и ещё более сложная категория социальной науки. Просто удивительно осознавать, что чем больше сейчас говорят о борьбе с ней, тем менее осмысленным и понятным становится то, с чем собираются бороться. Поэтому для сохранения остатков здравого смысла в отношении восприятия коррупции в нашей стране мне кажется очень полезной работа с понятиями и терминологией, которой в эмпирических исследованиях часто пренебрегают. Сейчас я этому уделяю много внимания, готовлю к публикации работу по типологии и индикаторам коррупционного действия с примерами из своих архивов данных. По этой же теме собираюсь издавать учебное пособие, планирую к концу 2015 года. Конечно, какой бы достойной и качественной ни была теоретическая работа, мы не можем без эмпирических данных, поэтому я также стараюсь найти возможность более или менее регулярно проводить эмпирические исследования. В 2008 и 2012 году мы вместе с коллегами проводили опросы по этой теме. За всё это время у меня сложилось ощущение работы в вакууме. То есть конечно есть коллеги из других регионов, которые этим тоже немного интересуются, собирают данные у себя в регионах, что-то публикуют иногда. Но это такой разрозненный

точечный ситуационный интерес. Сложно когда нет «больших» и систематических опросов, на уровне ведущих соц. центров, отражающих общую картину по стране и её динамику. Исследования по коррупции в вузах у нас как минимум не в приоритетах. Если они и проводятся, данные не освещаются широко. Мне рассказывали коллеги из НИУ ВШЭ, что Вышка проводила такие опросы и данные были закрыты, хотя один раз они издали бюллетень – и это всё, что было за все эти годы общественного ажиотажа в обсуждении академической коррупции. И от этого нам в регионах работать очень сложно. Когда пытаешься опубликовать свои результаты, все рецензенты задают один и тот же вопрос – почему Хабаровск, почему Дальний Восток? Где репрезентативные данные по России? Можно ли эти ваши выводы распространить на всю ситуацию российского высшего образования? Если бы были большие данные, было бы существенно легче отвечать на этот вопрос, а так приходится выкручиваться. Тем не менее, тема коррупции в моих сегодняшних исследованиях занимает важное место. Сейчас я думаю над тем как можно её вписать в общий контекст развития университетов, в их социальную историю. Задумала такую работу на будущее.

Насчёт выводов – я даже затрудняюсь так обзорно ответить на вопрос об их практико-ориентированном значении. Честно говоря, я в своей работе не ставлю целью получить какие-то практико-ориентированные выводы. Я знаю, что это очень плохо и социолог не должен так думать и говорить, но я как-то всегда опасаюсь ответственности за те рекомендации и инструкции, которые могут реально изменить мир. А вдруг я ошибаюсь или чего-то не учитываю, и мои рекомендации ухудшат ситуацию. Для меня это слишком серьёзно, поэтому я не считаю, что я вправе формулировать такие выводы. Для меня всегда было важнее и интереснее найти проблему, сформулировать интересный исследовательский вопрос, разобраться в нём, узнать мнения и собрать факты, понять смысл действий, выяснить что происходит. Вот например, я пришла к выводу, что в современном российском университете нет социальных групп, которые были бы реально заинтересованы в преодолении коррупции потому что убрать коррупцию из университетов можно только вместе со студентами, которые не могут учиться иначе, чем через коррупционные схемы. И речь идёт совсем не о взятках – то есть и о взятках тоже как одном из вариантов обучения таких студентов, но таких вариантов много, и взятка сейчас уже не является самым популярным. Завышение и девальвация оценок, обмен оценками среди преподавателей, купля-продажа курсовых и дипломных работ и пр. Список практик очень большой. Кто заинтересован в том, чтобы всё это убрать из университета? Только очень хорошо подготовленные и высоко мотивированные на учёбу студенты, которых меньшинство. Такие вот выводы – а их практико-ориентированное значение я не в состоянии оценить. Скорее всего, его просто нет, потому что нельзя же назвать практико-ориентированным напрашивающийся в этой логике вывод о необходимости сокращения количества студентов и университетов. Такие выводы никому не нужны, и в первую очередь мне как работнику этой системы.

Вопрос насчёт сотрудничества с коллегами из других регионов для меня достаточно болезненный. Я знакома с многими, и в разное время общение с коллегами из разных регионов мне очень помогало и помогает в работе, за что я бесконечно благодарна всем, кто помог мне в каждом следующем шаге. Но, если честно, я не могу назвать это полноценным сотрудничеством. Это

полезное только для меня профессиональное общение. Сотрудничество – это паритетные отношения, совместные исследования, работа, основанная на взаимном интересе сторон, совместные публикации. К сожалению, интерес к нам со стороны коллег из столичных регионов носит скорее «этнографический» характер – приехать раз-другой посмотреть как у нас тут. И у нас сейчас очень мало возможностей проявлять инициативу и привлекать к себе внимание. Поездки на конференции не оплачиваются, грантов почти не стало, ездят только те, кто уже имеет хорошие контакты и его приглашают. Пригласить кого-то к себе, даже если университет и выделит на это деньги – это сломать жизнь и оставить здоровье в бумажных баталиях с бухгалтерией, это я проходила несколько раз и окончательно зареклась. Поэтому даже прежние контакты, нажитые во время работы над диссертацией (когда мне оплачивали все поездки) сейчас сложно поддерживать. Полноценное сотрудничество у меня сложилось только с Еленой Денисовой-Шмидт, моей коллегой из Швейцарии, которая работает в университете Санкт-Галлена. Мы познакомились с ней на летней школе в Праге в 2010 году и проводим уже третий совместный проект. В рамках наших проектов мы проводим эмпирические исследования, публикуемся, выступаем на конференциях и семинарах, подаём заявки, встречаемся и много обсуждаем всего интересного. И в этом общении мне особенно радостно, что у кого-то есть потребность в моей работе и реальный живой интерес к нам. За всё это я очень благодарна Елене, такой партнёр – это редкое везение и большое счастье.

Мы еще совсем не рассмотрели Ваш преподавательский опыт. Какие курсы Вы ведете? Какова нагрузка? Есть ли аспиранты, ко каким темам они работают?

В отличие от многих моих коллег, у меня не такая большая преподавательская нагрузка. Уменьшение времени на работу в аудитории было одним из мотивов моей защиты – хотелось больше возможностей для исследований. Долгое время я вела курс философии, потом ушла на кафедру социологии и два года преподавала общий курс социологии и политологии. Сейчас у меня два небольших курса для студентов бакалавриата – «Культура, религия и литература Китая» и «Профессиональная этика журналиста» и курс для аспирантов «История и философия науки». Кроме этого я веду спецкурс по основам исследовательской работы для студентов бакалавриата, специализирующихся по нашей кафедре (направление «Зарубежное регионоведение»). В будущем году у нас появятся магистранты, и там тоже есть курс для меня. Парадокс в том, что у нас нет студентов социологов, зато есть аспирантура и диссертационный совет по социологии, поэтому приходится подрачивать аспирантов из числа студентов, специализирующихся в других сферах. Это достаточно сложно.

Сейчас у меня шесть аспирантов. Двое защитились в прошлом году, и буквально на днях защищается третий. В ситуации, когда нет бакалавриата и магистратуры, а есть сразу аспирантура, очень трудно вырастить «своих» аспирантов, чтобы они занимались тем, что ты знаешь и умеешь, и при этом ещё сами любили исследовательскую работу. Даже при наличии всех условий это – недостижимый идеал. Но я всё равно мечтаю о нём – хочу собрать команду, работающую в одном тематическом поле, поэтому предлагаю своим потенциальным аспирантам то, что мне самой интересно. Одно из направлений, по которому у меня пишут два человека – российские студенты за рубежом (в Китае и Корее) и иностранные

студенты в России (если точнее – на Дальнем Востоке России). Ещё два человека работают по образовательным стратегиям. Это темы, связанные как с образовательными стратегиями семей дальневосточников (с выходом на миграцию), так и с учебными стратегиями студентов. Эти темы мне интересны и понятны и в то же время нет ни сил ни возможностей лично их реализовать. Как раз в этом я вижу большое преимущество и радость руководства аспирантурой.

Ну что же, на этой оптимистической ноте и закончим нашу беседу, спасибо большое, Эльвира.